

Поскакав верхом несколько дней, преодолев горы и реки, Чжань Цзинъань наконец добралась до пункта назначения, указанного в пригласительном письме — в Долину Хаожань.

К тому моменту она уже спешила, ведя за поводок Сяо Цзян, и невольно подняла голову. Солнечный свет падал вниз, и в карих глазах отражалось яркое сияние бесконечной цепи извилистых, величественных и грандиозных гор.

Облака здесь громоздились высоко, напоминая дым и туман, клубясь и покачиваясь на ветру. При этом крутизна отвесных утесов, опасность горных круч и вся мощь горного рельефа словно скрывали свою истинную суть, растворяясь в пелене облаков и тумана, что несло в себе глубокий смысл отречения от мира и ухода от мирской суеты. Но стоило этому умиротворению затеряться среди уединённых обитателей, как на неведомой высоте в несколько тысяч чжанов облачная дымка рассеивалась, открывая путь прямо к небесам — дерзкий, гордый и непокорный, полный той непоколебимой героической ауры, что заставляла весь цвет поднебесной чувствовать: если не я, то кто?

Не думала я, что в живописном Цзяннане, пропитанном поэзией и туманными дождями, можно встретить столь грандиозное и величественное место. Чжань Цзинъань смотрела на эти горные хребты, казавшиеся подножием самих девяти небес. Её сердечко трепетало, словно очутившись на краю небесного свода, испытывая мириады потрясений. Грудь постепенно распирало от простора, кровь бежала быстрее, становясь всё теплее и горячее, смывая всю пыль и грязь долгого пути. Каждая клеточка её тела ощущала блаженство, кончики пальцев и пряди волос трепетали от радости, даруя чувство перерождения.

Это было её первое путешествие из дома, её первая поездка на юг. Она видела красные кирпичи и зеленую черепицу северных городов, видела, как капли воды под карнизами превращаются в ледяные сосульки, отражая в лучах полуденного солнца холодный блеск клинков — такие упрямые, такие суровые и решительные. Она знала старинные переулки севера, помнила дни празднования Нового года, когда улицы пестрели красными фонарями, а малыши в алых ватниках тянули родителей за руки, переполненные радости. Даже фейерверки, взрывавшаяся в ночном небе, казались невероятно яркими и незабываемыми.

В воображении Чжань Цзинъань юг представлялся нежным и сдержанным, сотканным из дождевых туманов, ряби на Западном озере и недосказанности при прощании с друзьями. Он должен был быть теплым и ласковым, пахнущим едва подтаявшим снегом на рассвете, когда юноши и девушки в пушистых мантиях ждали у дверей лавки сладостей Су, на цыпочках пытаясь распробовать первую порцию мягкой и сладкой лакомки.

Всё то, что рисовалось в мыслях Чжань Цзинъань о юге, на деле ничем не отличалось от здешнего Цзяннаня. Вот только она упустила из виду, что Долина Хаожань в пределах Цзяннаня — это и благородный герой, рассекающий мечом рябь Западного озера, и беззаботный отшельник, что после утреннего снега стережет кондитерскую лавку.

Чжань Цзинъань вела Сяо Цзян вперед. Пройдя всего несколько шагов, она никак не ожидала обнаружить у подножия Долины Хаожань целое скопление людей из мира цзянху. Судя по их одежде и нарядам, это были не только странники боевых искусств, но также торговцы, ученые,

чиновники, музыканты и прочие — пестрая, шумная и оживленная толпа.

Ой, а кто же вырезал эти два иероглифа: Хаожань? — подойдя ближе, Чжань Цзиньань заметила, что сквозь густой туман на величественной и крутой скале смутно проступали иероглифы Хаожань — дерзкие, буйные, с прямолинейным росчерком и мощным духом, заставляющие невольно замереть в восхищении. Она не особо разбиралась в каллиграфии, но эти штрихи текла плавно, подобно облакам и воде, без малейшего признака излишнего напряжения, словно написанные на одном дыхании.

Но если всё было сделано единым росчерком, то какой же непостижимой внутренней силой нужно было обладать? К тому же надпись охватывала всю Долину Хаожань — какого же масштаба душа и какая мощь за этим стояли? Чжань Цзиньань прониклась восхищением, ей не терпелось собственными глазами увидеть того, кто создал это чудо.

Юная госпожа, должно быть, редко покидает дом. Кроме главы Долины Хаожань, кто еще мог обладать подобным правом? — Чжань Цзиньань хвалила мастера про себя и невольно произнесла это вслух, но больше бормотала сама с собой. К ее удивлению, стоило ей тихонько прошептать эти слова, как кто-то действительно ей ответил.

Она повернулась на звук ленивого голоса, желая отыскать обладателя столь дивного тембра, и заметила того самого одетого в синее юношу, который несколько дней назад помог ей на постоялом дворе Минъян. Тот стоял со скрещенными на груди мечами, с холодным выражением лица храня молчание рядом с невероятно дорогим богатым экипажем. Помимо него, вокруг роскошной кареты находились еще четверо: девушка в зеленом, юная дева в розоватом платье, юноша в белом, а также сидевший на черном коне перед повозкой тот самый элегантный и вежливый юноша в одеждах цвета морской волны. Теперь он уже переоделся в наряд блекло-зеленоватого оттенка, но Чжань Цзиньань сразу узнала его: юноша в этом наряде повернулся к ней полубоком, улыбнулся, кивнул и приветливо помахал.

Чжань Цзиньань ответила улыбкой, и на ее щеках застенчиво проступили ямочки.

Эти пятеро с первого взгляда казались людьми выдающегося происхождения, и то, что они охраняли столь роскошную карету, не могло не вызвать у Чжань Цзиньань любопытства. В конце концов, в столице собиралось множество знатных особ, каких только сокровищ там не видали? И все же она не была простушкой, но уровень роскоши этого экипажа превосходил всё, о чем ей доводилось слышать или видеть ранее. Сама карета была огромной, инкрустированной золотом и нефритом — судя по беглому взгляду, в ней спокойно могли лечь восемь человек. Не говоря уже о подвесном потолке, расписанном золотой тушью по фиолетово-розовой оловянной фольге: издали он казался черно-фиолетовым, мерцающим пылью лака, но вблизи открывался слой черненого золота поверх сдержанного глубокого фиолетового. Цвета переливались волнами, а на самой макушке от крупных к мелким были нанизаны шесть ночных жемчужин, привезенных из Западного Края — они вовсе не слепили глаза, а лишь смягчали ослепительный золотой блеск. У обычных повозок углы крыши всегда одинарные, а у этой крыша оказалась двухслойной, всего с восемью углами. На каждом углу красовались по три сверкающих драгоценных камня: посередине — разноцветный галактический самоцвет Волны Звездного Моря, слева и справа — нефритовые Буддистские длани из Монастыря Цзинчань и по одному иллюзорному алмазу из Государства Чисяо. Всего

на восьми углах насчитывалось двадцать четыре главных камня, окруженных множеством переливающихся кристаллов для успокоения сердца — поистине бесценное сокровище. С каждого из восьми углов свисали ряды жемчужных кистей, оттеняя опущенные тонкие, словно крылья цикады, и мягкие, как пух, полупрозрачные шторы бледно-лилового и светло-розового оттенков, которые лишь слегка прикрывали окна из сандалового дерева. Одни только габариты и вес такой кареты казались невообразимыми. Чтобы сдвинуть ее с места, требовались отборные кони, причем одной лошади было мало — их нужно было по меньшей мере шестнадцать. И дело было не просто в шестнадцати сильных скакунах: они должны были вырасти вместе, обладать схожим нравом, одинаковыми привычками и безупречным взаимопониманием. Разглядывая шестнадцать белых коней, выстроившихся в идеальном порядке перед каретой, Чжань Цзинъань с первого взгляда поняла, что все они принадлежат к редчайшим породам и родились в один и тот же период времени, иначе в пути непременно случилось бы несчастье.

Человек, сидевший внутри столь роскошной кареты, должно быть, и есть тот самый знатный молодой господин, который любит веселье, но не выносит шума. Обладать подобным статусом, богатством, временем и вкусом — всё это далеко выходило за рамки обычных представителей императорской знати. Так неужели он... Чжань Цзинъань вспомнила слова гадалки о том, что звезда любви пришла в движение и небеса возложили великую миссию, чувствуя, что она, пожалуй, влипла.

Пока Чжань Цзинъань размышляла над предсказанием гадалки, знатный господин в карете снова легко рассмеялся:

— Слышал, что юная госпожа обладает выдающимся благородством и чувством долга. Я думал, она потомок какого-то великого мастера, но раз она столь мало осведомлена о делах цзянху, это даже заставило меня удивиться.

— Я действительно здесь впервые, а та помощь была лишь мимолетным делом. Подобная мелочь не стоит упоминания, и до звания выдающейся героини мне далеко, — услышав похвалу из уст знатного господина, Чжань Цзинъань снова почувствовала, как ее лицо заливают легкий румянец. Вспомнив о событиях в Долине Хаожань, о которых этот господин наверняка что-то знал, она спросила: — Скажите, этот господин, я полагаю, что для создания надписи Хаожань требуется по меньшей мере сорок лет мастерства внутренней силы. Неужели глава долины Чжао Сюньюань настолько стар?

— Ха-ха, — молодой господин не удержался от смеха, ленивого и чарующего, в котором слышалось три части серьезности и семь — соблазна. — Девушка, вы так прелестны. Если представится шанс, я бы с удовольствием пригласил вас выпить вина за беседой о жизни. С вашим наивным нравом вы наверняка лишили бы меня рассудка и заставили забыть о возвращении домой.

Пятеро спутников у кареты внешне сохраняли невозмутимость, но мысленно хором завопили: — Опять господин заигрывает с юной девой! Совсем стыд потерял!

Хотя Чжань Цзинъань не слишком тонко чувствовала оттенки слов, она всё же уловила подтекст: под внешней похвалой скрывалась насмешка. Ее юношеское сердце слегка кольнуло,

выражение лица мгновенно изменилось, щеки надулись, и она серьезно произнесла:

— Господин, если я чего-то не знаю и ошиблась, вы можете смеяться сколько душе угодно. Зачем же говорить загадками и уводить разговор в сторону? Указали бы мне на ошибку прямо — разве не было бы так лучше?

Молодой господин улыбнулся. Вид надутой и серьезной Чжань Цзинъань показался ему еще более забавным, и он ответил:

— Это я был излишне дерзок. Не позволите ли мне исправиться и дать еще один шанс толком объяснить вашу ошибку?

— Хорошо, — Чжань Цзинъань не ожидала, что он так быстро признает свою вину, а поскольку ей действительно хотелось узнать о Долине Хаожань, она с готовностью согласилась. Надутые щеки опали, сменившись милыми ямочками в уголках губ.

Молодой господин продолжил:

— Иероглифы Хаожань на скале высек прежний хозяин долины, то есть отец нынешнего главы Чжао Сюньюаня — Чжао Фаньсюань. Много лет назад старый хозяин долины странствовал по цзянху, славясь своей праведностью и милосердием. По счастливой случайности он заполучил непревзойденное руководство по внутренней силе Девять секретов вздымающихся небес. Как раз в те времена в мире боевых искусств бушевала смута, свирепствовали злодеи, и он объединился с другими мастерами, чтобы повернуть вспять бушующие волны и уладить распри. Когда в цзянху вернулся прежний мир, он отошел от дел и вместе с супругой уединился в этой долине...

Чжань Цзинъань изумленно воскликнула:

— Что? Он отошел от дел?

— Не спешите, юная госпожа, мой рассказ еще не окончен.

Чжань Цзинъань смущенно улыбнулась, подняв руку в приглашающем жесте:

— Продолжайте, господин.

Молодой господин продолжил рассказ:

— Но разве может цзянху обойтись без кровавых бурь? В тот зловещий день, когда небо затянуло тучами, различные секты непрерывно сражались за славу и выгоду, ввергнув весь мир боевых искусств в пучину хаоса, залив его кровью. Доведенные до отчаяния странники отыскивали это место, умоляя его выйти в свет и вернуться в цзянху. Однако нашлись и те, у кого были недобрые замыслы: опасаясь, что его возвращение раскроет их тайные интриги, они начали давить на него самыми ценными для людей цзянху понятиями — честью и долгом. Они заявляли, будто он сам объявил об уходе от мирских дел, а если нарушит слово, то превратится в презренного лжеца, нарушающего обещания.

— Бесстыдники! — возмутилась Чжань Цзинъань. — Старый хозяин долины наверняка не поддался на такую нелепицу!

— Вы правы, юная госпожа, — улыбнулся молодой господин. — Разве мог старый хозяин долины попасться на удочку негодяев? Он обнажил меч и вместе с единомышленниками искоренил подлецов, безжалостно разгромив силы зла. И тем не менее, в цзянху до сих пор шепчутся, будто его уход был лишь прикрытием ради пустой славы.

— Вот же негодяи! — снова спросила Чжань Цзинъань. — А что было потом?

— А потом старый хозяин долины высек на этой отвесной скале иероглифы Хаожань, — ответил молодой господин. — Эту долину официально называли Долиной Хаожань, а самого его мастера цзянху единогласно избрали лидером Союза Цзянху.

Чжань Цзинъань посмотрела на мощные и непревзойденные иероглифы Хаожань, высеченные на крутом утесе, и невольно погрузилась в задумчивость. В ее воображении возник образ свободного и необузданного молодого героя, который с мечом в руке странствует среди моря облаков, одним взмахом руки являя миру благородство и вызывая у нее жгучее восхищение.

Хаожань... это Хаожань от великой праведности.

— Верно, — молодой господин убавил ленивые и соблазнительные нотки в голосе, перейдя на редкую серьезность. — Хаожань означает великую праведность. Долина символизирует отшельничество и уход от мира, но Хаожань — это путь справедливости и благородства, который никогда не угаснет. Долина Хаожань — это стремление к свободе, отрешенность от мирской суеты, отсутствие жажды чего-либо и желание держаться подальше от распрей цзянху. Но если миру боевых искусств потребуется помощь — пусть даже то будут горы из ножей и океаны крови — они непременно пойдут вперед навстречу опасности и никогда не останутся в стороне.

Глаза Чжань Цзинъань сияли от переполнявшего ее восхищения:

— Значит, он всё же ушел на покой? Текущий глава долины Чжао Сюньюань — его сын, а нынешний лидер Союза Цзянху — его дочь... Удастся ли мне увидеть его на этот раз?

Молодой господин на мгновение замолчал, в его ленивом голосе прорезалась легкая нотка беспомощности, после чего он произнес:

— Юная госпожа, мир изменчив, и слишком многое в нем идет не так, как хочется. Десять лет назад, уничтожая жестокого и бездушного кровожадного демона, старый хозяин долины и его супруга погибли вместе.